

УДК 800.86.87

В.Д.ЧЕРНЯК, д-р филол. наук, профессор, *vdcher@yandex.ru*
Российский государственный педагогический университет имени А.И.Герцена,
Санкт-Петербург

V.D.CHERNYAK, Dr. in philol., professor, *vdcher@yandex.ru*
Herzen University, Saint Petersburg

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ

В статье на основе анализа отечественной беллетристики моделируется речевой портрет современной молодежи. Подчеркивается, что массовая литература адаптируется к изменяющимся условиям функционирования, к социальным трансформациям и технологическим новациям. Продемонстрирована отчетливая ориентация лексикона носителя языка, задаваемая авторами детективов, в сторону негативного полюса.

Ключевые слова: массовая литература, современная беллетристика, речевой портрет молодежи, современная языковая ситуация, культурный диалог поколений.

SPEECH PORTRAIT OF YOUNG PEOPLE IN CONTEMPORARY FICTION

The paper based on an analysis of domestic fiction simulated voice portrait of modern youth. It is stressed that the massive literature adapted to the changing conditions of operation, to social transformation and the technological innovations. Demonstrated a clear orientation of the lexicon of a native speaker, given by the authors of detectives in the direction of the negative pole.

Key words: mass literature, contemporary fiction, a portrait of youth voice, contemporary language situation, the cultural dialogue of generations.

Беллетристика XXI века, по определению остро реагирующая на меняющиеся социокультурные доминанты, позволяет выявить изменения в общественном сознании, определить «ключевые слова эпохи» и установить их соотношение на аксиологической шкале. В художественных текстах, воплощающих ситуацию кризиса литературоцентричности в конце XX века, отражающих существенные изменения в языковом существовании и речевом поведении нашего современника, создается выразительный речевой портрет современной языковой личности. Своеобразие массовой литературы состоит в том, что она всегда адаптируется к постоянно изменяющимся условиям функционирования, к социальным трансформациям и технологическим новациям. Будучи

ориентированной на спрос, массовая литература выступает как точный индикатор ценностей конкретной культуры и как один из мощных факторов его воспроизведения [1].

Тексты беллетристики, в том числе и массовой литературы, представляют большой интерес для выявления речевого портрета молодежи, поскольку значительная часть персонажей современной литературы – это молодые люди, сформировавшиеся в постсоветскую эпоху. В своем текстовом воплощении они аккумулируют наиболее характерные приметы современной языковой ситуации, речевой культуры, вкусовых пристрастий различных социальных групп. Эти приметы воплощаются как в персонажной речи, так и в языковой рефлексии самих авторов. Объектом авторских рассуждений в современ-

ных текстах становятся заимствования, субстандартная лексика, окказиональные номинации, меняющиеся языковые вкусы и языковая мода. Д.Быков так пишет, например, о молодой писательнице А.Гостевой: «Гостева не может без сленга своей тусовки. Городское дно в описываемые времена находилось именно там, где она варилась: в мастерских, галереях, клубах, религиозных и квазирелигиозных семинарах, в сомнительных офисах стремительно исчезавших фирм, в квартирах, подвергаемых евроремонту, в логовах стильных дизайнеров и на показах стильных модельеров... Ей дана редкая способность воспроизводить стиль той среды, в которой она варится» [2, с.63]. Эта характеристика приложима ко многим произведениям современных авторов.

Литература последнего десятилетия для исследователей современной речи привлекательна не только тем, что она представляет объемный, часто противоречивый речевой портрет молодежи, но и тем, что в ней разбросаны многочисленные оценки языковой нормы, представления об эталонной речи, разнообразные, часто субъективные характеристики речевых нарушений и коммуникативных неудач. Приведем один показательный пример, в котором автор с иронией воспроизводит одно из типичных речевых нарушений:

– Там главная героиня приехала в отпуск в санаторий, а в санатории произошло убийство, и вот героиня, а она в милиции работает, предлагает местной милиции свою помощь, а они от нее отказались, а она обиделась.

– Кто обиделась, милиция или помощь? – поддел я, подумав, что надо будет в свободное время потренировать Лилю в части изложения прочитанного, чтобы не забывала об именах собственных и существительных и не пользовалась бесконечными «она», «он», «этот».

– Героиня обиделась, – деловито пояснила Лилия, не замечая моего сарказма (А.Маринина. Чёрный список).

Актуальной проблемой в коммуникации автор / читатель является несовпадение культурных кодов, неподготовленность мо-

лодежи к восприятию интертекстуальных включений. Понимание прецедентных текстов рассчитано, как известно, на среднего носителя языка. «За прецедентным феноменом всегда стоит некое представление о нем, общее и обязательное для всех носителей того или иного национально-культурного менталитета, или вариант его восприятия, который и делает все апелляции к прецедентному феномену «прозрачными», понятными, коннотативно окрашенными» [4, с.170]. Наличие в языковом сознании личности некоторого объема прецедентных текстов позволяет судить о свойствах этой личности и о ее способности к порождению и восприятию текстов с учетом их интертекстуальности. Р.М.Фрумкина отмечает: «В каждой культуре есть круг текстов, которые «положено» знать, и это «положено» распространяется на всех более или менее образованных или хотя бы просто грамотных представителей данной культуры. Мне трудно представить себе человека русской культуры, который не знает, кто такой Евгений Онегин. Пусть он и роман не читал, а из оперы слышал две арии. Наконец, пусть лишь слышал, что есть такая не то песня, не то просто музыка... Но именно про Онегина» [6, с.133]. Уровень читательского восприятия определяется знанием определенного количества литературных произведений, ядра отечественной и мировой литературы и культуры, способностью узнавать хрестоматийные тексты по цитатам, именам, отсылкам, намекам. Аксиология массового сознания, свойственная современному российскому обществу, интересно представлена в романе Виктора Пелевина «Empire V». Автор называет современную культуру «анонимной диктатурой»: «Ваше поколение уже не знает классических культурных кодов. Илиада, Одиссея все это забыто. Наступила эпоха цитат из массовой культуры, то есть предметом цитирования становятся прежние заимствования и цитаты, которые оторваны от первоисточника и истерты до абсолютной анонимности».

Молодой писатель Максим Свириденков признается: «Неохота учить этого дурацкого Пушкина», – фраза была типичной

для моих одноклассников, когда я учился в школе. Однако это не мешало им интересоваться новой литературой, рассказывавшей о той жизни, которой живут они сами. Если век назад футуристы пытались сбрасывать классиков «с парохода современности», то сегодня никого не нужно сбрасывать. Для поколения читателей, рожденного в восьмидесятых, литература как бы началась с чистого листа. С одной стороны, многие из них знают новых авторов. С другой, в большинстве своем младочитателям совершенно наплевать на ту литературу, которой их загружали в школе» [5]. Именно этому поколению «младочитателей» адресованы многочисленные проекты по поддержке чтения. Сегодня наблюдается разрыв или даже множество разрывов в цепи передачи культуры – от поколенческих до географических. Писатель А.Генис точно отметил: «Отцов от детей отличают цитаты – одни их подхватывают, другие не знают, где ставить кавычки» [3, с.329]. Неквалифицированный, ориентированный на глянец читатель сегодня формирует литературные вкусы. Именно на тень читателя ориентированы современные названия книжных серий «Лекарство от скуки», «Легкое чтение», «Отдохни» или реклама любовных романов «Отправь голову в отпуск».

В современной беллетристике наблюдается отчетливая ориентация лексикона носителя языка, задаваемая авторами детективов, в сторону негативного полюса. Многие персонажи современной русской литературы отражают криминализацию общества и связанное с ней нравственное опустошение личности. Так, герой романа П.Дашковой, популярный актер Владимир Приз, – на самом деле оказывается уголовником, страстью увлеченным нацистской философией и символикой. Раскрывая тип этого «любимца народа», П.Дашкова напрямую и весьма жестко связывает социальные установки личности, ее культурное развитие и языковое сознание:

Он плохо учился в школе и в институте, с трудом мог осилить более двух страниц текста, не отвлекаясь. Историю Шама знал по голливудскому кино. Литературу и

философию – по хлестким цитатам и крылатым выражениям, которые употреблялись в телевизионных ток-шоу. Собственные рассуждения о правильном и неправильном устройстве общества казались ему абсолютно свежими и оригинальными. <...> Слово «рефлексия» ему просто нравилось, но он не понимал, что оно значит, поскольку не имел привычки заглядывать в толковые словари. Шама был девственно, стерильно необразован, однако это не мешало ему быть умным, бодрым и хитрым. В определенном смысле это даже помогало. Чем больше человек знает, тем сильней сомневается в своей компетентности и своей правоте (П.Дашкова. Приз).

Писатель Андрей Геласимов, напротив, с мягкой иронией создает речевые портреты молодых людей, принадлежащих к разным социальным группам. Примечательно, что разрешение сложных сюжетных коллизий оказывается возможным при достижении некоего «речевого консенсуса»:

– Не ругайся. Когда ты ругаешься, от тебя ангел улетает <...>. Возвращается, только когда ты больше не материшься.

– А «блин» можно говорить? Или все равно улетает?

– «Блин» говорить можно, – разрешил я.

– Слушай, а «на хрен» говорить можно или нельзя?

– Я думаю, лучше не надо.

Бедный Саша довольно быстро израсходовал весь свой словарный запас (А.Геласимов. Год обмана).

Предметом иронического текстового комментирования нередко выступает закрепленное в языке (или индивидуально понимаемое) соотношение между формой и содержанием номинативной единицы, которое автор уточняет или оценивает, выражая субъективное отношение к способам отражения действительности. Приведем один выразительный пример:

ЧТО ЕЩЕ ЗА ЧЕРТОВО СЛОВО ЭТИ НАНОТЕХНОЛОГИИ? Почему я, я – Владимир Жуковский, понятия не имею, что это за чертово волшебное слово? И почему мой брат это знает, и для него, ученого, оно открывает такие возможности в об-

ласти государственной карьеры, менеджмента самого высокого уровня (Т.Степанова. Black&Red).

Все увеличивающийся процент агнничной лексики в лексиконе молодежи воздвигает барьеры при понимании разных типов текстов, в том числе и текстов современной литературы, делает затрудненным культурный диалог представителей разных поколений, заметно ухудшает качество образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирючевская О.Ю. Аксиология массовой культуры. Сравнительный ценностно-смысловый анализ. М., 2005.
2. Быков Д. Девочка ищет отца // Д. Быков. Блуд труда. СПб.-М., 2002.
3. Генис А. Шесть пальцев. Пушкиры. М., 2009.

4. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.

5. Свириденков М. Ура, нас переехал бульдозер! Разбор полетов новой прозы // «Континент» 2005. № 125.

6. Фрумкина Р.М. Размышления о «каноне» // Р.Фрумкина. Внутри истории. М., 2002.

REFERENCES

1. Birichevskaya O. Axiology of mass culture. The comparative value-semantic analysis. Moscow, 2005.
2. Bykov A.D. girl looking for a father // A.D.Bykov. Fornication labor. Saint Petersburg – Moscow, 2002
3. Genis A. Six fingers. Pushgory. Moscow, 2009.
4. Krasnych V.V. «Own» among the «others»: Myth or Reality? Moscow, 2003.
5. Sviridenkov A.M. Hooray, we moved the bulldozer! Debriefing of the new prose // «Continent» in 2005. № 125.
6. Frumkina R.M. Reflections on the «canon» // R.Frumkina. Inside the History. Moscow, 2002.